

ТВОРЧЕСТВО Б. В. ШЕРГИНА КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И СКАНДИНАВИЕЙ

«Детей убаюкивают песнями, а людей – сказками»¹. Эти слова принадлежат французскому Эдуару Лабуле, писавшему для детей и взрослых. Жанр, начатый братьями Гримм, был блестяще развит в творчестве Г. Х. Андерсена и получил плодотворное развитие в литературе Скандинавских стран (С. Топелиус, С. Лагерлеф, Ю. Фалькбергет).

В России литературная сказка, во многом выросшая из фольклорного материала, также получила в XX веке широкое распространение в творчестве писателей, обратившихся к региональному фольклору, в частности П. П. Бажова и Б. В. Шергина.

Автор семи прозаических сборников Борис Викторович Шергин (1896 – 1973) черпал свои сюжеты из многих источников – из новгородских и псковских хроник, беломорских «морских урядников», лоций XVIII века, из записных тетрадей шкиперов, альбомов стихов, трудов фольклористов, сборников былин, сказок, песен, но прежде всего из жизни своего родного северного края – от Беломорья до Перми – и столицы этого края – Архангельска².

Сюда на берег Северной Двины, в легендарную Биармию, торговавшую солью, железом, мехами, приезжали скандинавские купцы³. Потомки новгородцев – поморы – селились по берегам Белого моря, которое, как и часть Ледовитого океана, называлось Мурманским (Норманским) морем. Но если бы в исландских сагах⁴ не осталось свидетельств давних контактов прибрежных северных народов, то русская народная память сохранила их в сказаниях и преданиях, пришедших к широким читательским кругам через творчество Б. В. Шергина.

Произведения Шергина имеют два названия: «сказ», что близко к скандинавскому «saga», и «старина», что ближе к немецкой «героической песне» («Heldenlied»). Сказ содержит элементы фантазии, но он одновременно и реалистичен, потому что повествует о повседневной жизни северян, о мореплавании, промысле и торговле. Приведем несколько примеров:

«В стародавние времена низовские двиняне сообщая морского зверя промышляли и лодьи с торгом складчиной в чужие страны отпускали. Четверо промышленников-складчиков отпустили своего товарища к датским берегам сдать договорный товар и получить условленную цену. Лодья в датский город вошла скорополучно...»⁵.

«Шкипер встречного судна спрашивает:

– Далеке ли путь держите, государи?

Анкудинов отвечает:

– От Архангельского города к датским берегам»⁶.

В Норвегию везли пеньку и доски, сало и кожу, муку, а возвращались с рыбой – треской и палтусом. Торговля шла с Данией, Германией и Англией, а Швеция и Финляндия были для поморов совсем уж близкими соседями. Несмотря на то, что каждый народ имел у русских свое имя: «свеи», «норвежины», «каяне» (от финского города Каяна), англичане, датчане – все они, согласно русской традиции, назывались одинаково «немцы».

Если в творчестве Б.В.Шергина географический ареал всегда оставался одним и тем же (это северные моря и побережье), то нижние временные границы сказов уходят вглубь «стародавних времен».

В сказе «Ворон» русский кормщик Маркел помогает мальчику-лопарю прогнать «свеев», укравших голубого оленя. Этот короткий сюжет содержит мотивы и образы волшебной сказки: похищение необыкновенного животного, появление ниоткуда «спасителя» и его помощника в поисках черного ворона, чудесная сила серебряного рожка, устрашающего похитителей, и, наконец, победа справедливости, когда потерпевший обретает вещь более ценную, чем утратил.

Этот сюжет, пересказанный Н.М.Карамзиным вслед за Снорри Стурлуссоном, возвращает нас ко временам викингских набегов:

«...Главные здесь были Торер и Карл, отправленные для торговли в Биармию самим королем Олофом. Приплыв туда во время славной ярмонки и купив мехов, они вздумали еще ограбить кладбище: ибо жители имели обыкновение зарывать в могилу часть богатства, оставленного умершим. Сие место было окружено лесом и забором; в середине, на площади, стоял истукан бога Йомалы, с драгоценным ожерельем на шее; а перед ним, в серебряной чаше, лежали деньги. Норвежцы зашли туда в глубокую ночь и похитили все, что могли; но желая еще снять ожерелье с идола, крепко привязанное, отсекли ему голову... Вдруг раздался ужасный звук и треск. Стражи кладбища пробудились и начали трубить в рога. Воры спасались бегством. Жители с криком и воплем гнались за ними, со всех сторон окружили их; но будучи неискусны в деле воинском, не могли ничего сделать отважным грабителям, которые благополучно дошли до кораблей своих»⁷.

Сюжет с нападением на двинские деревни варягов-разбойников встречается также в сказах «Любовь сильнее смерти», «Рядниковы рукавицы», «Ингвар». Но портрет варяга неоднозначен. В памяти народа остался двойственный образ викинга: в зависимости от ситуации он торговец или разбойник. Но среди них есть и такие, как справедливый Ингвар, железным ломом прогонявший из русской деревни грабивших деревню соотечественников, а затем со всем христианским смирением просящий простить их.

Русским людям была понятна его двойственная позиция: его долг заступаться за обиженных, но его долг также помочь соотечественникам, ко-

торые, наверняка, не простят ему «предательства» (не сказались ли в этом пережитки родовой морали?). Эта дилемма неразрешима. Ингвар остается как бы на «ничейной земле»: становится «иноком» в расположенном на удаленном от материка острове Соловецком монастыре и принимает имя «Игорь», что опять-таки служит напоминанием о варягах, правивших в Киеве и Новгороде.

Элементы христианского миропонимания соседствуют у поморов с воспоминаниями о «стародавних временах» и содержат вполне узнаваемые языческие элементы, зачастую близкие к скандинавским. В сказе «Любовь сильнее смерти» русский богатырь-мореход Кирик в бою с моряками вражеского судна ведет себя как настоящий викинг.

Наводит на мысль о древнем сходстве скандинавской и русской культур и поморский обычай брать в далекое морское путешествие сказителя-песенника: *«В старые времена жывал-зимовал на Груманте посказатель, песенник Кузьма. Он сказывал и пел, и голос у него, как река, бежал, как поток, гремел. Слушая Кузьму, зимовники веселились сердцем. И все дивились, откуда у старого неугомонная сила к пенью и сказанью?»*⁸

Та же корабельная команда, которая, кстати, называлась военным термином «дружина» [викинги были также мореходами и воинами. – Л.Г.] и на берегу не расставалась со своим сказителем, как и древние скандинавы со скальдом: *«Вместе со своей дружиной Кузьма вернулся на Двину, домой. Здесь дружина позвала его в застолье, петь и сказывать у праздника»*⁹.

О существовании на Севере с древних времен единой морской традиции судостроения свидетельствуют суда, сохранившиеся вплоть до нашего века на Русском Севере: *«На шнеке, древнем беспалубном судне, еще мой дед плавал в «датску» – Норвегию. Рассказывал: как придем в Стокгольм или Копенгаган на шнеках, профессора студентов приведут обмерять и рисовать наши суда – то-де корабли древних мурманов (норманов)»*¹⁰.

До недавних времен северные моря практически не знали границ, торговые корабли свободно бороздили водные просторы, что способствовало общению людей и возникновению не только локального русско-норвежского языка, но и проникновению в разговорную речь поморов международного морского сленга:

«Навстречу английский пароход. Англичане дразнятся:

– Роши шхуна хлам! Роши шельма! Тьфу! Нет добра!

Зуйки из себя выходят и кричат:

– Роши шхуна шик! Инглиш тво фут руль, а фуль!

Елефан трунк друк!

С тем и разминемся.

Бывает, что англичане корабельные сухари, «бишки», зуйкам бросают, или конфеты. Поморы вышитым полотенцем или сдобными колобами отдаривают.

Норвежане встретятся, те спрашивают:

– Куры фра? Куры фра? (куда, мол, пошли?)

*Им отвечают, что на Мурман или в Данию»*¹¹.

В профессиональном языке моряков, особенно после реформ Петра I, предписавшего строить корабли на западный манер, иностранные слова постепенно вытесняли параллельные русские термины: «Суда у нас строили: шкуны, боты, гальоты, лихтера, елы мурманские, шнеки, карбаса, морские и речные. Прежде были лодьи, бригантины, кочи, барки – все большие корабли, на них давно мода отошла»¹².

Без перевода понимались слова: верфь, раньщина, кутер, плашкот, рангоут, ватерлиния, трюм, борт, фок, грот, форштевень, ахтерштевень и т.д., хотя и продолжали бытовать русские слова: корма, снасти (такелаж), стриж (фарватер), перешвы (бимсы). Обрусели и уже не воспринимаются как иностранные слова, связанные с берегом и морем: корга (каменный островок или мель, образовавшаяся у берега), торосы (морские льды), ягра (протянутая вдоль берега в море подводная мель), ропак, ропаки (нагромождение льда), лахта, лахтица (мелководный залив), румпельсалма (пролив между островом и материком), глызы (глыбы льда).

Давно воспринимаются как русские такие названия местности, как Грумант (Новая Земля), Тана-губа (Тана-фьорд), Мурманск (от мурман-норман). Да и само Белое море называется словом скандинавского происхождения Гандвик¹³. Так оно и вошло в русский фольклор, а затем в балладу Шергина:

*Гандвик – Студеное море,
Светлое, печальное раздолье,
Солнышко в море уходит,
Вечерняя заря догорает*¹⁴.

Рассказывая о посещении Норвегии, русские употребляли понятные поморам слова «куфман» (купец), «нагели» (дубовые гвозди), «трумпетка» (труба), «керка» (церковь), «мумия» (шведская или норвежская краска для металла), «парусоль» (зонтик). Ела – (отсюда – ялик) – легкое на ходу беспалубное однопарусное судно с высоким носом и кормой, применялось для рыбного промысла у мурманских берегов и в Норвегии, откуда и взят поморами тип этого судна. Русские мастера учились у скандинавов – норвежцев и датчан, как, например, знаменитый мастер Конон Иванович по прозвищу Тектон (Строитель).

Труд – сфера высшего самопроявления таланта. Но еще важнее, что это школа жизни. Поведение в труде закладывает нравственные основы отношений человека с людьми. В сказе «Гость с Двиньи» русский жертвует не только своим заработком, но и своим добрым именем, лишь бы выкупить из долговой тюрьмы нечаянно-негаданно попавшего в беду датчанина. Прошло время, и датский корабельщик хотел вернуть долг, но русского уже не было в живых. Цепь добрых дел на этом не прерывается: на эти деньги датчанин воздвиг между Русским и Варяжским морями звучащий памятник, о котором мечтал Андрей, – именной колокол на высоком столбе, чтобы предупредить моряков в туман и непогоду. В этом сюжете, хотя и весьма отдаленно, просматривается смысловое родство с широко известными немецкими, скандинавскими и русскими преданиями о затонувшем городе (Винета, невидимый град Китеж), чьи колокола оповещают людей о грядущей беде.

Чтобы выжить в борьбе с морской стихией, ей нужно противопоставить свой разум, волю, силу товарищества – «круговую помощь»¹⁵. Однажды русские мореходы починили «битое непогодой» датское судно, не потребовав предоплаты и не взяв предложенных за труд денег. У тружеников моря разных национальностей жизнь, полная опасностей, выработала высокие моральные принципы: «Все мы, мореходы, связаны и все живем круговой помощью. Это вековой морской устав. Тот же устав остерегает нас: “Ежели взял плату или награду за помощь моряку, то себе в случае морской беды помощи не жди”»¹⁶.

«У норвежского берега те же дожди...» – в этой фразе из сказа «Аниса» заключается основанный на опыте многих поколений вывод о том, что и море, и жизнь в северных широтах в сущности одинаковы. Скандинавы и поморы издавна роднились между собой, и в Архангельске никого не удивляло сочетание имен «Мария Ивановна Кярстен» («Митина любовь») или когда Опроксинью моряки называли Гризельдой. У самого Шергина был дальний родственник по материнской линии артист Анатолий Викторович Круг, отец которого был норвежцем. И хотя писатель считал это родство «братским», но безмерно ценил и уважал его как друга юности и единомышленника, принимал от него помощь, как от родного. Русский Архангельск походил на норвежский Берген еще и тем, что молодежь неудержимо стремилась в море не только за заработком, но еще из желания повидать дальние страны. Таков молодой Ваня из сказа «Ваня Датский», четыре раза ходивший на иностранных кораблях вокруг света и нашедший свою судьбу и свой дом в Дании. Через двадцать лет он все-таки навещает мать в Архангельске и пытается помочь ей деньгами, оставаясь, однако, неузнанным. Этот поморский вариант притчи о блудном сыне имеет свои особенности: мать почти насильно заставляет сына, мечущегося между родиной и семьей в Дании, открыть свое имя. Разрешает конфликт жена-датчанка, полюбившая добрую свекровь и согласившаяся навсегда остаться в России.

Семейные и родственные связи между соседними народами имеют давнюю традицию, о чем свидетельствует баллада «Старина о госте норвежине». Шергин разукрасил народную балладу о сестре, неузнанной братьями, упоминаниями о красотах Русского Севера, о благополучной жизни русской, выданной замуж за «норвежина», «умного гостя отменного», согласившегося у жене отправиться в далекое и опасное плавание, которое, согласно легенде, кончилось трагической гибелью.

Но если печальный конец в балладе продиктован законами жанра, то в сказе «Аниса» новая жизненная ситуация накладывается на сказочный сюжет похищения красавицы злым колдуном Кошеем Бессмертным, который известен прежде всего своей скупостью (вариант Черномора в пушкинском «Руслане и Людмиле»). В сказе Шергина есть прямое указание на эту преемственность: «О надоело, – жалуется Аниса, – пятаками да четвертаками у этого Кошея вымалывать: на керосин и то спрашивай»¹⁷.

Начинаясь вполне традиционно: «У отца было три сына», сказ строится также по традиционной схеме: добрый молодец отправляется на поиски ис-

чезнувшей красавицы (красавица Аниса вышла замуж за богатого старика в Норвегию и влюбленный в нее Санька отправляется туда же). Молодые люди встречаются, выясняют, что любят друг друга, и пускаются на всяческие хитрости, чтобы обмануть старого мужа и благополучно возвратиться домой.

Современность вторгается в сказку элементами сатиры, ведь тщеславная Аниса сама виновата в своих несчастьях:

«Что я спрошу тебя, Аниса, почему ты за старого пошла?»

– С дикую, бажной. Перед подружками натъ было похвастаться, что муж иностранец. Вышла шутя, думала, что за Европа, что за Норвега. Дале узнала... У старика тогда ресторан был, картеж... И я главна приманка. За одно погляденье англичана деньгами, американа бральянтами платили. Пять годов я как на горячем отюге жила. Дале заскучала, домой, в Русь тошнехонько захотела»¹⁸.

Оригинален и конец сказки: добрый молодец Санька освободил свою возлюбленную не только от уз ненавистного брака, но и от отрицательных качеств в ней самой, от суетности и тщеславия, помог ей вернуться к вечным человеческим ценностям, обрести настоящую любовь и родину.

Знаменитый норвежский путешественник и этнограф Тур Хейердал сказал однажды: «Мир стал настолько мал, что сегодня мы все – соседи. Друзья могут сегодня попасть друг к другу за несколько часов, а враги, к сожалению, и того быстрее...»¹⁹ Восприятие и мнение друг о друге представителей разных стран, народов и культур относится к числу проблем, которые вызывают интерес не только у специалистов-исследователей, но и широкой общественности. В сфере межэтнических отношений наше поведение строится на том, что мы думаем и как воспринимаем тот или иной народ. Положительный образ человека и целого народа в творчестве отдельных писателей способствует установлению контактов, взаимопониманию и сближению различных жанров.

Примечания

¹ Эдуар Лабуле. Сказки. – Екатеринбург, 1994.

² При жизни автора вышли книги: У Архангельского города, у корабельного пристанища. – 1924; Архангельские новеллы. – М.: Сов. писатель, 1936; У песенных рек. – М.: Гослитиздат, 1939; Поморщина-корабельщина. – М.: Сов. писатель, 1947; Океан – море русское. – М.: Молодая гвардия, 1957; Запечатленная слава. – М.: Сов. писатель, 1967; Поморские были и сказания. – М.: Детская литература, 1971. Дальнейшие издания: Избранное. – М.: Сов. Россия, 1977; Б.Шергин, С.Писахов. Сказы и сказки. – М.: Современник, 1985; Поэтическая память. – М.: Худож. лит-ра, 1989.

³ Биармия, Бьярmland (Bjarmland) – «Земля бьярмов» в древнерусских памятниках не упоминается. В.Н.Татишев (История российская. – М.; Л., 1962. – Т. 1. – С. 108, 115) указывает, что в летописи Новгородского епископа Иоакима Карелия именуется Биармией.

⁴ Описание Земли 1, Красивая кожа, Отдельная сага об Олаве Святом, Круг земной Сорри Стурлусона, Прядь о Хауке Длинные Чулки, Сага о Хальвдане Эйстейнссоне.

Теме скандинавско-русских северных взаимосвязей посвящена обширная литература. Среди них: Вальдман К.Н. Об изображении Белого моря на картах XV –

XVII вв. // История географических знаний и открытий на севере Европы. – Л., 1973. – С. 88–108; Глазырина Г.В. Беломорско-Двинский отрезок северного морского пути из Скандинавии в Восточную Европу // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. – М., 1989. – Ч. 1. – С. 104–105; Глазырина Г.В. Плавание Отгара в Бьярmland в свете палеоклиматических, гидрологических и естественно-географических данных // Восточная Европа в древности и средневековье: Спорные проблемы истории. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Тезисы докладов. – М., 1993. – С. 17–19; Джаксон Т.Н. «Восточный путь» в исландских королевских сагах // История СССР. – 1976. – № 5. – С. 164–170; Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. – М., 1993; Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. – Л., 1988. – С. 58–67; Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: Материалы и исследования. – М., 1978; Тиандер К.Ф. Поездки скандинавов в Белое море. – СПб., 1906; Шаскольский И.П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XX вв.: Сб. статей. – Л., 1970. – С. 9–63.

⁵ Шергин Б.В. Гость с Двины.

⁶ Шергин Б.В. Пафнутий Анкудинов.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1991. – С. 698.

⁸ Шергин Б.В. Поморский песенник.

⁹ Там же.

¹⁰ Шергин Б.В. Рождение корабля

¹¹ Шергин Б.В. Мурманские зуйки.

¹² Шергин Б.В. Рождение корабля.

¹³ Гандвик (Gandvik) – в переводе «Колдовской залив», название, воспринимаемое как обозначение Белого моря или Кандалакшского залива. Некоторые скандинавские источники называют так Ледовитый океан.

¹⁴ Шергин Б.В. Братана.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Шергин Б.В. Круговая помощь.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Тур Хейердал. Аку-Аку. – М., 1959. – С. 3.